

Пятница, 21 декабря 1956 г. № 301 (12299)

Певец простых людей

Наше знакомство с Ивом Монтаном началось задолго до того, как он приехал в Москву.

Мы познакомились с ним тогда, когда его голос впервые прозвучал в радиоприемниках, и певец вошел, как гость и друг, в дома советских людей. И мы внимали этому мягкому, мужественному, доверчиво-задушевному голосу, который пел нам о Париже, рассказывал, то улыбаясь, то печалась, о судьбе простого человека.

И вот сейчас Ив Монтан в Москве. Его решение не откладывать больше свой отъезд в нашу страну вызвало бешенство реакционной печати. Поток низкой и злобной болтовни усилился после того, как в одной из французских газет было опубликовано письмо Ива Монтана к Сергею Образцову, где он просил объявить советским зрителям о его скором приезде. Но это же письмо с хорошим чувством прочел любой простой человек Франции, ибо Монтан говорил в нем о том, что свою поездку, свои выступления в Советском Союзе он считает вкладом в благородное дело укрепления мира.

И когда Монтан впервые вышел на эстраду Концертного зала имени Чайковского, москвичи встретили его сердечно и тепло, — как певца, которого они успели полюбить, как человека, в добрые чувства которого они верят, как гостя, приезде которого они рады.

...Ну, вот он перед нами, Ив Монтан, певец Парижа. Он в своем обычном, давно им «найденном» сценическом костюме, — в коричневых брюках и такой же рубашке с распахнутым воротом. В том, как он вышел на эстраду, в том, как он стоит сейчас, смущенно улыбаясь, ощущается та дорогая простота естественности, что приходит к артисту только в результате большого труда. Это — простота, которой чужда фамильярность, и это — естественность, полностью освобожденная от напряженного старания быть естественным. Кажется, что он поет без всяких усилий, как птица, словно никогда и нигде этому не учился. И тут-то вспоминаешь слова самого Монтана в его книге, что эта легкость, о которой он мечтал, достигается лишь после долгих лет поисков, хождения ощупью, неудач, находок...

Свой концерт Монтан начал «Балладой о Париже». Казалось, мы ее уже знали, — эта баллада не раз исполнялась им по радио. Но сейчас все услышалось по-другому. Голос, звучащий в радиоприемнике, лишь рассказывал нам о Париже. Сейчас Монтан повел нас вместе с собой по улицам этого города, который он так любит.

Все слилось воедино в его пении: жест, мимика, застенчивая и озорная улыбка, сила слова, очарование музыки. Те, кто были в Париже, вспомнили этот город, кружевную тень листьев на камнях набережной, запах речной воды и пожелтевших, прогретых солнцем книг, узкие улочки с их щедро распахнутой настежь жизнью, с их тружениками и влюбленными, торговцами, музыкантами, нищими: старые стены Парижа, у каждой из которых был когда-то бой за свободу... Те, кто не были в Париже, по-новому узнали его из этой баллады, вдохнули его воздух, увидели его людей, веселых и отважных.

Монтан не стремится создать «интимность» между собой и зрительным залом. Он хочет дружить со слушателем, хочет, чтобы тот ему верил. И зал ему верит, потому что ощущает: певец любит людей, о которых поет.

Кто же эти люди? О, их много и они очень разные. Вот солдат, ко-

торый уходит на войну; провожая, ему сулят победы, но он знает, что, если вернется живым, ему скажут: солдату просто повезло.

Вот бродячие комедианты. Ох, как долог, как труден их путь через деревушки, мимо харчевен, мимо полей и садов... Мы познакомились со всеми ними, — Монтан показал нам и ребят, бегущих впереди, и медленно бредущих циркачей, клоунов, акробатов, и даже умного медведя и обезьяну, обходящих зрителей с шапкой. В его голосе неподдельная нежность к веселым, терпеливым бродяжкам, и ласковая улыбка, и сочувствие.

А вот бессонный шофер, что день и ночь везет свой груз, без отдыха, без остановки, — дружище, бедняга, у тебя нет времени поглядеть на звезды, посмотреть, как хороша травка на косогоре, — все это не для тебя... Но природа так прекрасна, и столько радостей есть в жизни! Как же все-таки им радоваться? И выгритенок на Бродвее, чистильщик башмаков, приручил немножко солнечного света своей щеткой.

Все это простые люди с их надеждами, заботами, горестями, с их неистребимой верой в счастье. И между этими людьми, то возникающая, то вновь отходя в тень, все время проходит любимая, ни на кого не похожая, та, о которой хочется слагать песни, — сама любовь.

Когда Монтан поет, луч света перемещается, и оркестр, сидящий здесь же на сцене, как бы исчезает. За тюлевым занавесом, словно сквозь дымку тумана, видны пять музыкантов, неизменных спутников певца. Отличный пианист Боб Каstellла так же, как и блестящий гитарист Анри Кролла одновременно являются и авторами музыки некоторых песен Монтана. В песне «Гитара в изгнании» Анри Кролла не просто аккомпаниатор, сопровождающий певца. В этой песне по сути два героя, — Монтан и выхваченная лучом света гитара, которая вместе с певцом рассказывает об испанском изгнанике, о мужестве, о дружбе, о терпении и надежде. И какой силы, какой бесстрашной, маршевой звучности исполнен этот же маленький оркестр, когда Монтан поет одну из лучших своих песен «На рассвете», песню, полную и сурового трагизма, и чистой надежды.

У Монтана взыскательный вкус, точные и скупые изобразительные средства. Он отлично владеет жестом, каждое движение его ловкого, мускулистого тела «включено» в образ, помогает песне. Но, как мне кажется, песни его дошли до сердца советского зрителя не только потому, что перед нами талантливый певец.

Монтан вкладывает в песню свое сердце. И сердце это полно любви к людям, веры в победу правды и мира на нашей большой земле.

Татьяна ТЭСС.

□ □

На снимке: выступление Ива Монтана в Концертном зале имени Чайковского.

Фото В. Сметанина.

118